

Оноре де Бальзак
Настойчивость любви

Оглавление

Настойчивость любви

В начале тринадцатого века по рождестве нашего божественного Спасителя, или около того, в городе Париже произошла любовная история, которой немало дивились все горожане, равно как и королевский двор. Что касается лиц духовного звания, которые сохранили нам память об этом приключении, то из последующего вы узнаете, какое участие приняли они в оном деле.

Героем нашей истории был уроженец города Тура. Простолюдины называли его попросту туренцем, ибо родился он в нашей пресветлой Турени, настоящее же его имя было Ансо. На старости лет добрый наш туренец воротился в свой родной край и стал мэром города Сен-Мартен, если верить летописям города и аббатства, но в Париже был он славным мастером золотобитного дела. Итак, в ранней молодости Ансо благодаря великой своей честности, трудолюбию и иным качествам сделался гражданином города Парижа и подданным короля, покровительство коего он купил, как то часто водилось в те времена. Рядом с церковью Сен-Ле, на улице Сен-Дени, был у него свой дом, который он построил беспошлинно, и туда, в его мастерскую, приходили многие горожане, привлеченные его прекрасными изделиями. Хотя мастер и был туренец и сил его хватило бы на двоих, поведением он отличался примерным. Жил он, как истинный святой, несмотря на все соблазны большого города, и даже в цветущую пору молодости ни разу не переступил порога парижских вертепов. Многие скажут, что это, мол, превышает понимание человеческое, которое господь бог даровал нам, дабы могли мы воспринимать веру, поддерживаемую таинствами святой религии; посему является необходимым разобраться получше в причинах целомудрия нашего ювелира. И прежде всего примите во внимание, что пришел он в Париж пешком, по свидетельству старожилов, был беднее Иова и, в отличие от прочих туренцев, которые, возгоревшись, тут же гаснут, обладал железным характером и в настойчивости не уступал монаху, решившему отомстить недругу. Будучи подмастерьем, трудился он с превеликим усердием; став мастером, трудолюбие свое умножил, всюду перенимать старался новые приемы ремесла своего, сам придумывал способы поискуснее и на пути исканий набрел на многие открытия. Еженощно запоздалые прохожие, ночной дозор или те бездомные бродяги видели в окне его мастерской тихое сияние лампы и самого неутомимого мастера, который стучал своим молотком, точил, подпиливал, резал, гнул, вытачивал, долбил со своим подмастерьем, держа двери мастерской на запоре, а слух отверстым. Нужда породила труд, труд породил высокое знание, знание породило богатство. Слушайте же вы, о дети Каина, вы, пожиратели червонцев, зря жизнь прожигающие! Если даже и случалось нашему мастеру загораться смутными желаниями, кои нет-нет да и начнут терзать бедного одинокого человека, когда дьявола уже трудно отогнать крестным знаменем, — туренец с сугубым усердием стучал своим молоточком по металлу и, укрощая мыслью духов соблазна, принимался творить прелестные, изящные, тончайше выточенные фигурки из золота и серебра, тем самым успокаивая бурлившую в жилах кровь. Прибавьте к этому, что туренец был человек простой и самых бесхитростных понятий. Во-первых, он боялся бога, потом воров, еще больше вельмож, но пуще всего опасался всяческих передряг и беспокойств. Хоть имел он две руки, но более одного дела зараз никогда не делал. Говорил он скромно, как невеста перед венцом. И хотя духовные пастыри, военные люди и прочие видные особы отнюдь не считали его человеком ученым, он превосходно знал свой родной язык, любил и умел поговорить. Со временем парижане научили его идти своей дорогой и не бегать по чужим делам, но одежке протягивать ножки, самому не должать и соседу займы не давать, держать ухо востро, не позволять очки себе втирать, не болтать о том, что делаешь, слово свое всегда держать крепко, зря даже воды не выливать, не быть беспамятным, будто муха, никому не доверять ни своих забот, ни своего кошелька, по сторонам не зевать, а изделия свои продавать дороже, чем самому обходятся. Сии правила житейской мудрости помогли ему набраться опыта столько, сколько необходимо, чтобы честно торговать себе на пользу. Что он и делал, никого не обижая. Видя, как живет мэтр Ансо, многие говорили: «Хотел бы я быть на его месте, черт возьми! Даже если б для того пришлось бы мне целый век месить парижскую грязь». Иной вот этак не прочь стать королем Франции! А ты вот сначала имей такие руки, как

у того золотобита были — крепкие, жилистые, волосатые и с такой могучей хваткой, что когда он сжимал кулаки, то самый сильный подмастерье не мог бы и клещами их разжать. Ясно, что если такой молодец захочет что удержат, то уж оно не выпустит. Зубами своими туренец железо мог разжевать, желудок его мог то железо принять, пропустить, кишечник — переварить и выбросить из себя, ничего в пути не повредив. На плечи туренцу можно было бы взвалить земной шар, как то случилось с тем вельможей языческого мира, коему эта забота была некогда поручена, и лишь Иисус Христос своим появлением вовремя его от сей службы избавил. Правду сказать, туренец был из тех людей, которые созданы как бы одним ударом, из одного куска вытесаны, а такие всегда превосходят тех, за которых принимаются по нескольку раз. Этим приходится подправлять, и никуда они не годны со своими заплатками. Одним словом, мэтр Ансо был мужчина крепкого закала, сущий лев, а из-под бровей его смотрели такие глаза, что от взгляда их могло бы и золото расплавиться, если пламени не хватит в горне, по взор его был подернут некой прозрачной влагой по воле того, кто всему знает меру, и она охлаждала великий пыл туренца, а иначе он испепелил бы все кругом. Ну скажите, чем плох был наш туренец?

Ознакомившись с добродетелями золотобита, иной спросит, почему же наш мастер остался одиноким, как улитка, когда природные свойства его могли быть оценены всякими и всякой. Но знают ли упрямые критики, что есть в мире любовь? Нет, наверняка не знают... Влюбленному положено куда-то идти, откуда-то возвращаться, слушать, подстергать, молчать, говорить, то съезжиться, то развернуться, то расти, то сократиться и совсем невидимому стать, угождать, брэнчать на каком-нибудь инструменте, каяться, таскаться к черту на рога, лезть из кожи вон, птичье молоко добывать, в ступе воду толочь, вздыхать при луне, ласкать ее кошечку и собачку, дружить с ее друзьями, осведомляться о коликах и ревматизмах ее тетушки и заверять старуху: «У вас отменный вид, да вы нас всех переживете!» А там пронюхать, что нравится родне, не наступать никому на ноги, не бить посуды, доставать луну с неба, переливать из пустого в порожнее, молоть вздор, лезть в огонь и воду и, восхищаясь нарядами своей возлюбленной, восклицать: «Чудо как красиво!» или: «Ах, мадам, как вы прекрасны в сем наряде, честное слово!» И повторять это на тысячи ладов. Самому напонадаться и расфрантиться, как придворному кавалеру. Шутить метко и остро, со смехом претерпевать все страдания, причиняемые дьяволом. Душить в себе свой гнев, обуздывать свой нрав, следовать за божьим перстом и чертовым хвостом. Одаривать мать, одаривать кузину, одаривать служанку, ходить с утра до ночи с самой умильной миной, а ведь известно, что особам женского пола угодить трудно, — вильнут хвостом, и прощай — даже не объяснят, чем вы их прогневили. А в конце концов человек, влюбившись в самое кроткое создание, сотворенное всевышним под хорошую руку, может и красноречием ее поразить, и прыгать вокруг нее блохой, и вертеться волчком, и музыкой ее услаждать не хуже, чем царь Давид, через тысячу адских мук пройти, построить в ее честь целую сотню всяких чертовых колонн коринфийского лада, и все-таки, если не угодит ей в чем-то самом сокровенном — а ведь она и сама толком не знает, чего ей надо, зато с возлюбленного требует, чтобы он это знал, — она убежит от него, как от проказы. Она в своем праве — ничего тут не поделаешь. Иные мужчины при таких обстоятельствах мрачнеют, злобствуют, с ума сходят так, что и представить себе нельзя. А некоторые даже лишают себя жизни из-за юбки. Этим мужчина и отличается от животного, ибо никогда животное не спятит от несчастной любви. Вот вам неопровержимое доказательство того, что у скотов нет души. Влюбленный должен быть и на все руки мастер: он и фокусник, и вояка, и шарлатан, и балагур, шут, король, бездельник, монах, простак, кутила, лгун, хвастун, доносчик, пустомеля, вертопрах, волокита, мот, глупец, юродивый; от таких дел отказался Иисус, и, подражая ему, пренебрегают любовью люди благоразумные. Предаваясь этому занятию, уважающие себя мужчины прежде всего вынуждены тратить: время, жизнь, кровь, заветные слова, не считая сердца, души, мозга, до коего бабы жадны превыше меры. И когда они болтают меж собой без умолку, то говорят друг другу: «Если мужчина не отдал мне всего, что имеет, значит, он мне ничего не дал». А бывают и такие гримасницы, что нахмурят бровки и еще недовольны, что ее возлюбленный ради нее

расшибся в лепешку: «Что за пустяки, плохо старается!» А все потому, что женщины ненасытны, тиранки и самодурки, все им мало... Закон этот был, есть и будет в силе в городе Париже, где младенцам женского пола при крещении перепадает куда больше соли, нежели в каком-либо другом месте земного шара. Потому они в Париже и лукавы от самого рождения.

А мэтр Ансо у своей плавильной печи плавил серебро, чеканил золото, но никак не мог достаточно возгореться сердцем, чтобы засверкали в нем фантастические узоры любви, не мог он разукрасить ее, отразиться в ней и разыгаться в затейливых выдумках, ибо нигде не находил себе живой модели! Само собой разумеется, что в Париже девственницы не падают ни с того ни с сего в объятия мужчин, равно как не сыплются нам с неба жареные куропатки. Пусть даже мужчины будут королевскими золотобитами, а наш туренец, как уже ранее было сказано, сверх того имел и другое преимущество — целомудрие. Однако мэтр Ансо не мог не видеть всех прелестей, коими столь щедро одарила природа иных высокородных дам и буржуазок, покупавших у него драгоценности. И часто, наслушавшись веселой болтовни покупательниц, кои улещали его, заигрывали с ним, желая добиться какой-нибудь уступки, шел он домой мечтательный, как поэт, тоскующий, подобно кукушке без гнезда! И говорил про себя: «Пора мне обзавестись женой, она станет подметать жильё, готовить обед, следить за бельем, штопать, станет распевать веселые песенки, будет мучить меня, заставляя исполнять ее прихоти, скажет мне, как все они говорят своим мужьям, когда им приглянулась какая-нибудь безделушка: „Глянь, миленький мой, на эту вещицу — разве не прелесть?!“ И всякий сосед сразу будет узнавать мою жену и думать про меня: „Вот счастливец!“». Затем — все в мыслях — он устраивал свадьбу, ласкал и лелеял свою женушку, рядил ее в роскошные платья, дарил ей золотую цепь, любил ее всю, с головы до ног, предоставляя ее усмотрению все хозяйство, за исключением личных своих сбережений. Поместит он ее в свою спальню наверху. Там хорошие, застекленные рамы, на полу циновки, стены обшиты шпалерами; в комнате он поставит великолепный шкаф и кровать необъятной ширины, с витыми колонками и шелковым пологом лимонного цвета, купит прекрасные зеркала. И к дверям своего дома наш ювелир подходил, имея уже десяток ребят от воображаемой жены. Но жена и дети исчезали от постукивания молотка, и Ансо, сам того не замечая, превращал создания своей тоскующей мысли в причудливые рисунки, а любовные мечты воплощал в диковинные безделки, весьма одобряемые покупателями, которые и не подозревали, сколько жен и детей таится в его творениях. И чем больше наш мастер проявлял свой талант, тем глубже замыкался в себе. Не сжался тогда над ним господь бог, он покинул бы сей мир, так и не изведав любви, но познал бы ее в мире ином, где любовь, не зная тлена, сияет вечно, как тому учит достопочтенный Платон — человек высоких качеств, но, не будучи христианином, заблуждавшийся. Увы, предварять свое повествование различными рассуждениями — значит допускать излишние отступления и ненужные толкования, каковыми маловеры принуждают нас укрывать свою сказку, как кутают младенца в пеленки, тогда как младенцам куда больше пристало бегать нагишом. Да поставит сатана любителям болтовни три клистира своими раскаленными вилами. А теперь приступим к рассказу без обиняков.

И вот что случилось с мэтром Ансо на сорок первом году его жизни. В один прекрасный день, прогуливаясь по левому берегу Сены, он, погрузившись в размышления о браке, не заметил, как добрал до поля, впоследствии получившего наименование Причетникова поля и входившего во владения аббатства Сен-Жермен, а не в университетские владения. Идя своей дорогой, туренец оказался посреди лужка, где ему повстречалась бедно одетая девушка, которая, приняв Ансо по виду за знатного горожанина, поклонилась ему, промолвив: «Спаси вас господь, монсеньор!» И в девичьем ее голоске прозвучала столь приветливая доброта, что ювелир восхитился сей небесной мелодией, и зародилась в нем любовь к этой девушке, чему все способствовало в ту пору, особенно же мысль о браке, не дававшая ему покоя. Но, раздумывая таким образом, он все же прошел мимо девушки, не смея повернуть обратно, ибо был робок, как стыдливая девственница, готовая скорее повеситься на своем поясе, чем развязать его удовольствия своего ради. И вот когда мэтр Ансо оказался на расстоянии выстрела от девицы, он справедливо рассудил, что человек, принятый еще десять лет тому

назад в цех золотых дел мастеров, ставший зажиточным горожанином Парижа и прошедший добрую половину жизненного пути, имеет право заглянуть женщине в лицо, тем паче если воображение его не на шутку разыгралось. И он круто повернул, пошел навстречу девушке и осмелился взглянуть на нее... Она тянула за обрывок веревки тощую свою коровенку, а та щипала траву у самого края придорожной канавы.

— А, милочка, — спросил он, — вы, наверно, очень бедны, раз руки ваши не знают отдыха даже в воскресный день. Разве вы не боитесь попасть в тюрьму?

— Господин мой, — отвечала девушка, опустив глаза, — мне нечего бояться, потому что я принадлежу аббатству. Милостивый аббат разрешает нам выгонять корову после вечерни.

— Корова, видно, вам дороже спасения души?

— Вы правы, господин мой, корова эта — единственная наша поилица и кормилица.

— Дивлюсь, дитя мое, видя вас в такой нищете! В этих лохмотьях... в изношенном тряпье, среди поля, босая даже в воскресенье, меж тем как вы обладаете большими сокровищами, чем можно их узреть, обойдя все владения аббатства. Наверно, горожане преследуют вас и досаждают вам своей любовью?

— Ничуть, господин мой. Ведь я принадлежу аббатству, — повторила девушка и показала ювелиру обруч на левой руке; подобный обруч одевается скоту, пасущемуся в поле, только у девушки был он без колокольчика.

Красавица взглянула на мастера, и глаза ее выражали такое отчаяние, что он остановился, потрясенный. Известно, что сильная сердечная скорбь передается от сердца к сердцу через глаза.

— А что это? — спросил он, решив все узнать от нее самой, и тронул обруч. Хотя на том обруче было изображение герба аббатства, притом довольно выпуклое, у ювелира не было желаниа рассматривать его.

— Господин мой, я дочь крепостного раба, а потому всякий, кто женился бы на мне, даже горожанин Парижа, тоже станет рабом. Все равно он будет принадлежать аббатству душой и телом. Если бы человек тот соединился со мною, не женясь, то и тут дети считались бы за аббатством. Вот почему я оставлена всеми, брошена, как скотина в поле. Но особенно мне обидно, что по желанию приора аббатства и в тот час, когда ему заблагорассудится, меня сведут с таким же крепостным человеком, как и я. И будь я даже не столь безобразна, как сейчас, и полюби меня кто-нибудь всей душой, все равно, увидев на мне вот этот обруч, он убежит прочь, как от черной чумы.

И сказав так, девушка потянула за веревку свою корову.

— Сколько вам лет? — спросил ювелир.

— Не знаю, господин мой, но у нашего владельца, монсьеюра приора, есть запись.

Столь жестокая доля растрогала нашего мастера, тоже немало вкусившего от горького хлеба нищеты. Он шел рядышком с девицей, и так дошли они в глубоком молчании до ручья. Ювелир любовался прекрасным челом девушки, ее крепкими покрасневшими руками, величавой осанкой, смотрел на ее запыленные ноги, будто изваянные для статуи девы Марии. Тонкие, нежные ее черты восхищали его — ему казалось, что перед ним живой портрет святой Женеьевы, покровительницы Парижа и крестьянских девушек. Заметьте себе, что наш девственник, чистый сердцем и помыслами, угадывал прелести белоснежной груди, которые девица прятала с очаровательной стыдливостью под грубым платком, и они возбуждали его жажду, как в жаркий день соблазняет школьника наливное яблочко.

И то сказать, все, что доступно было его взорам, свидетельствовало, что девица эта — чистое сокровище, как и все, впрочем, чем владеют монахи. И чем строже был запрет касаться сего цветка, тем сильнее Ансо томился любовью, и сердце его стучало так сильно, что он слышал его биение.

— У вас отличная корова, — промолвил он.

— Не угодно ли молочка? — ответила крестьянка. — Нынче май жаркий выдался, а до города далеко.

И впрямь небо было синее, без единого облачка, и дышало жаром, как плавильная печь.

Все кругом сверкало молодостью — листва, воздух, девушки, юноши. Все пылало, зеленело, благоухало. Простодушное приглашение, сделанное без всякого расчета, ибо никаким золотом не оплатить несказанное очарование доброго слова и скромного взгляда, обращенного на него девицей, растрогало мастера, он пожелал видеть эту рабу королевой и весь Париж у ног ее.

— О нет, милочка, я не хочу молока, я жажду вас и хотел бы иметь разрешение вас выкупить.

— Это невозможно. Видно, до самой смерти я буду принадлежать аббатству. Вот уже много лет мы живем здесь, и деды жили, и внуки здесь будут жить. Подобно несчастным моим предкам, мне суждено жить рабой па земле аббатства, тоже и детям моим, ибо сам монсеньор приор заботится о том, чтоб у нас, крепостных, было потомство.

— Как! — воскликнул туренец. — Неужели не нашелся молодец, который посмел бы ради ваших чудесных глаз купить вам свободу, как я купил себе свободу у короля?

— Воля стоит слишком дорого, и потому те, кому я приглянусь, уходят так же быстро, как и появляются.

— И вы не подумали бежать отсюда с возлюбленным, умчавшись с ним на добром скакуне?

— О мессир, если меня поймают, то уж наверняка повесят, а мой милый, будь он даже дворянин, потерял бы все свои поместья, не считая прочего. Не стою, я таких жертв, ведь у аббатства длинные руки, и убежать отсюда никакой прыти не хватит. Вот так я и живу в полном послушании господу, зная, такая уж моя судьба.

— А что делает ваш отец?

— Он работает на винограднике аббатства.

— А мать?

— Стирает.

— А как вас зовут?

— У меня нет имени, дорогой мой господин. Отца моего крестили Этьеном, мою мать зовут Этьенна, а я Тьенетта, к вашим услугам.

— Милочка моя! — воскликнул мэтр Ансо. — Никогда в жизни ни одна женщина не нравилась мне так, как вы нравитесь мне, и я верю, что велики сокровища вашего сердца. И по той причине, что вы предстали предо мной в тот самый миг, когда я твердо решил избрать себе подругу жизни, я вижу в том указание небес. Ежели я вам не противен, то прошу считать меня вашим истинным другом.

Тут девушка вновь опустила глаза. Слова свои туренец произнес столь убежденным голосом, столь проникновенно, что Тьенетта залилась слезами.

— Нет, господин, — отвечала она, — я стану причиной тысячи ваших огорчений и виновницей вашего несчастья. Для бедной подневольной служанки достаточно нескольких ласковых слов.

— О, вы еще не знаете, дитя мое, с кем вы имеете дело!

Туренец перекрестился и, сложив руки, сказал:

— Даю обет святому Элуа, покровителю всех ювелиров, отлить две ниши из чистого серебра и самой тонкой работы и разукрасить их со всем доступным мне искусством. Одну нишу я предназначаю пресвятой госпоже нашей богородице в знак благодарности за освобождение моей бесценной супруги, другую нишу вышеназванному моему покровителю, когда я добьюсь успеха в старании моем освободить Тьенетту, крепостную девицу, здесь стоящую, ради чего я испрашиваю его святого заступничества. Кроме того, клянусь спасением души моей настойчиво, не теряя духа, добиваться успеха в оном деле, на которое я не пожалею ничего и не успокоюсь до самой своей смерти. Я знаю, бог меня услышит... А вы, милая? — сказал он, повернувшись к девушке!

— Господин, помогите, у меня корова убежала! — воскликнула Тьенетта, обливаясь горячими слезами и падая к ногам своего друга. — Я буду любить вас по гроб жизни, но откажитесь от вашего обета.

— Пойдем ловить корову, — ответил мэтр Ансо, поднимая девушку с колен, но еще не смея ее поцеловать, хотя она была к тому расположена.

— Меня за это прибьют, — промолвила она.

И вот золотых дел мастер пустился вдогонку за проклятой коровой, которую нимало не трогали любовные излияния. Но вскоре туренец схватил норовистую скотину за рога и крепко держал ее. Еще немного, и он подбростил бы ее на воздух, как соломинку.

— Прощайте, милая. Коли пойдете в город, заходите ко мне — мой дом рядом с церковью святого Ле. Зовусь я мэтр Ансо, я золотых дел мастер нашего милостивейшего короля Франции, подобно святому Элуа, нашему покровителю. Обещайте мне в будущее воскресенье быть на этом поле; я не премину прийти сюда, меня не остановят ни гроза, ни ливень.

— Добрый мой повелитель! Я перелезу через изгородь, если понадобится. В благодарность я хотела бы стать вашей без всяких помех для вас и не причинять вам никакого ущерба, даже отдав за это блаженство в будущей жизни. А до того часа я буду молиться за вас господу от всей души.

И она осталась стоять на месте неподвижно, подобно каменному столбу, глядя вслед мастеру, который удалялся медленным шагом, оглядываясь время от времени, дабы еще раз увидеть красавицу. И когда он был уже далеко и, наконец, исчез из глаз, она все еще стояла там и оставалась в поле до самой тьмы, погруженная в размышления, сама не зная, не приснилось ли ей все это, не понимая, что с нею произошло. Вернулась она домой глубокой ночью и была побита за то, что поздно пришла, но не почувствовала побоев.

Добряк Ансо лишился сна и аппетита. Даже закрыл мастерскую, так он влюбился в Тьенетту, думал только о ней, всюду видел только ее, и всем на свете стала она для него. Наутро он отправился в аббатство, не без трепета готовясь к беседе с монсеньором приором. Но по дороге он порешил действовать более осмотрительно и просить сначала покровительства у кого-нибудь из приближенных короля, а потому вернулся обратно в Париж, где тогда находился двор. Зная, как уважаем всеми Ансо, видный мастер цеха ювелиров, и как он любим всеми за свои изящные изделия и за учтивое свое обращение, начальник королевского двора обещал влюбленному свое покровительство. Незадолго перед тем Ансо сработал по его просьбе золотую коробочку для сладостей, украшенную драгоценными камнями, — чудо ювелирного искусства. Коробочку этот вельможа преподнес в подарок одной придворной даме. Теперь он велел оседлать для мэтра Ансо иноходца, а для себя своего коня, и они тут же отправились в аббатство. Придворный добился аудиенции у монсеньора приора Гюгона де Сенектера, коему уже было девяносто три года. Войдя в зал вместе с ювелиром, в глубоком волнении ожидавшим решения своей участи, придворный попросил приора Гюгона доставить ему приятность, заранее дав обещание исполнить его несложную просьбу. На что аббат, покачав головой, ответил, что сие было бы посягательством на его верность церковному уставу.

— Выслушайте меня, святой отец, — промолвил вельможа, — наш придворный ювелир воспылал великой любовью к крепостной девице, принадлежащей вашему аббатству, и я ходатайствую перед вами об отпущении на волю одной девицы; со своей стороны я обещаю пойти навстречу любому вашему желанию.

— Кто такая? — спросил аббат мастера.

— Ее зовут Тьенетта, — робко ответил ювелир.

— Вот оно что! — сказал старик Гюгон, улыбаясь. — Значит, хороша наша приманка, ежели такая рыба клюнула. Но это — дело серьезное, и я один его решать не могу.

— Я знаю, отец мой, что означают ваши слова, — ответил придворный, нахмутив брови.

— Мой славный кавалер, — промолвил приор, — знаете ли вы, что стоит эта девица?

Он приказал своему писцу привести Тьенетту и велел одеть ее понаряднее, дабы она предстала перед гостями во всей красе.

— Ваша любовь в опасности, — обратился вельможа к ювелиру, отведя его в сторону. — Откажитесь от своей прихоти, ведь вы всюду, даже при дворе, можете встретить женщин

благородного происхождения, красивых и молодых, каковые охотно пойдут за вас. И ежели уж на то пошло, сам король поможет вам приобрести дворянское поместье, и со временем ваш род будет причислен к знати. Разве не хватит у вас золота, чтобы стать основателем новой благородной фамилии?

— Не могу, — ответил Ансо, — я дал обещание.

— Тогда добивайтесь выкупа вашей красавицы. Я знаю монахов, ради денег они на все пойдут.

— Монсеньор, — сказал мастер, вновь приблизившись к приору. — Вы облечены великими полномочиями представлять на земле милосердие господне, каковое распространяется на всех несчастных и заключает в себе бесконечное сокровище сострадания к горестям нашим. Я буду поминать вас в своих молитвах денно и ночью и никогда не забуду, что получил свое счастье по щедрости вашей, если вы согласитесь осчастливить меня, отдав мне в законные супруги названную девицу, и не числить детей, рожденных от сего брака, подневольными вашими крепостными. Зато я смастерю для вас дароносицу, столь богато разукрашенную золотом, драгоценными камнями, изображениями крылатых ангелов, что подобной не найдется во всем христианском мире. Ни с чем не сравнимая, она будет радовать взоры ваши и так прославит ваш алтарь, что верующие толпами станут стекаться в аббатство из города, и даже знатные чужеземцы поспешат приехать, дабы узреть дароносицу во всем ее великолепии.

— Сын мой, — ответил приор, — вы, я вижу, потеряли рассудок! Если вы решили взять эту девицу в законные супруги, ваше имущество, равно как и вы сами, поступит в собственность капитула аббатства.

— Да, монсеньор, я потерял рассудок от любви к этой бедной девице. И я даже более тронут ее нищетой и христианским ее сердцем, нежели ее телесными совершенствами. Но я тем паче поражен, — добавил он со слезами на глазах, вашим жестокосердием и решаюсь сказать вам об этом, хоть и знаю, что судьба моя в ваших руках. Да, монсеньор, мне известен закон. Итак, ежели мое добро должно перейти в ваше владение, если я стану крепостным, если потеряю и дом мой и права горожанина, я все же сохраню достояние, добытое трудом и учением, а оно находится здесь, — сказал он, коснувшись своего лба. — Здесь, где никто, кроме бога и меня самого, надо мной не властен. И все ваше аббатство не в силах оплатить будущие творения, что таятся в моем уме. Вам будет принадлежать все — мое тело, моя жена, мои дети, но ничто и никто не даст вам право на мое достояние, даже пытки, ибо я крепче самого крепкого железа, и чем сильнее страдание, тем я терпеливее.

Произнеся эти слова, мэтр Ансо, взбешенный спокойствием приора, который, видимо, решил забрать в пользу аббатства дублоны просителя, хватил кулаком по дубовой кафедре, и она разлетелась в щепки, будто от удара молота.

— Вот, монсеньор, какого вы приобретаете слугу, какой мастер, творец несравненных произведений, станет вашим подъяремным волком.

— Сын мой, — ответил приор, — вы нехорошо поступаете, разбив мою кафедру и легкомысленно осудив мою душу. Девица принадлежит аббатству, а не мне. Я лишь верный слуга, стоящий на страже прав и обычаев нашего славного монастыря. Прежде чем я разрешу, чтобы из лона сей жены рождались свободные дети, я обязан получить соизволение господина бога и аббатства. А с тех пор как стоит здесь монастырь, как находятся здесь монахи и крепостные, *id est*¹ с незапамятных времен, не было еще случая, чтоб горожанин стал крепостным аббатства, сочетавшись браком с крепостной крестьянкой. Итак, надлежит руководствоваться законом, подчиняться ему, опираться на него, дабы не ослабела его сила и не был бы он погран, ибо от сего проистекут тысячи бедствий; это важнее государству и аббатству, нежели все ваши дароносицы, сколь бы прекрасны они ни были, ибо у нас хватит казны для покупки драгоценностей, и никакие сокровища не в силах изменить наши обычаи и

---

¹ То есть (лат.).

законы. Я взываю к господину дворцовому начальнику, который является свидетелем бесконечных трудов короля нашего, ежедневно борющегося за нерушимость своих повелений.

— Это сказано, чтоб заткнуть мне рот, — промолвил придворный.

Мастер, который был весьма не силен в законах, пригорюнился. Тут вошла Тьенетта, сверкая, как серебряное блюдо, начисто протертое рачительной хозяйкой: волосы ей убрали красиво, надели на нее белое шерстяное платье с голубым поясом, изящные туфельки, белые чулки — словом, была она царственно прекрасна и столь благородна в обращении, что наш мастер совсем обомлел от восторга, и даже придворный признался, что никогда не видел такой совершенной красоты. Потом, рассудив, что бедняге Ансо ее лицемерие грозит всяческими опасностями, он поспешил увезти мастера в город и всю дорогу уговаривал хорошенько подумать о своем деле, ибо приор совсем не расположен отпустить такую приманку для ловли богатых горожан и вельмож из парижского садка. Так оно и случилось, капитул сообщил злосчастному влюбленному, что ежели он женится на Тьенетте, то должен будет отдать все свое состояние и свой дом в пользу аббатства и признать крепостными себя и будущих своих детей от сего брака. Но в виде особой милости приор оставлял Ансо его жилище при условии описи всего добра и уплаты ежегодной подати по особому обязательству. Кроме того, ежегодно в течение недели мастер должен был проживать в общей камере, примыкающей к монастырским владениям, дабы подтвердить свое рабское состояние. Мастер, коему каждый встречный и поперечный твердил об упрямстве монахов, понял, что слово аббата непреклонно, и пришел в отчаяние. То он решал подпалить аббатство с четырех концов, то задумывал завлечь приора в какое-нибудь уединенное место и там мучить его до тех пор, пока приор не подпишет вольную Тьенетте, — словом, тысячи фантазий возникали у него и тут же улетучивались. Но после многих колебаний он решил похитить девицу и бежать с ней в безопасное место, где бы никто не мог его достать, и тогда принялся он за приготовления к побегу, рассуждая, что ежели он уедет за пределы королевства, то его друзья или же сам король лучше сумеют справиться с монахами. Не знал мэтр Ансо своего противника! Но вскорости изведаль он, каков этот приор. Как-то раз, придя на поле, он не встретил там Тьенетты и узнал, что ее держат в аббатстве под стражей, что для ее освобождения пришлось бы повести осаду монастыря. Тогда мэтр Ансо разразился жалобами, пенями и гневом. Горожане и жены их заговорили о сем происшествии, и по всему городу пошел такой шум, что сам король призвал старого приора и спросил святого отца, почему он не желает прислушаться к голосу великой любви королевского золотых дел мастера и не следует в делах своих христианскому милосердию.

— Только по той причине, государь, — ответил аббат, — что все законы связаны меж собой, как звенья единой кольчуги, и, ежели одно звено выпадает, рушится все. Если б оную девицу взяли у нас против нашей воли, не соблюдая обычая, то вскоре, пожалуй, подданные ваши снимут с вашей головы корону и поднимут по всей стране великие мятежи, дабы уничтожить лесные, дорожные и прочие пошрины, обременяющие народ.

Король прикусил язык. Все ожидали с нетерпением, чем же кончится эта история. И столь велико было общее любопытство, что многие дворяне бились об заклад, что туренец отречется от своей любви, а дамы настаивали на противоположном. Ансо слезно жаловался королеве, что монахи лишили его счастья видеть возлюбленную; ее величество нашла, что это жестоко и возмутительно, и на основании ее обращения к монсеньору туренец получил разрешение ежедневно посещать приемную аббатства, куда приходила и Тьенетта, но всегда в сопровождении старого монаха. И всякий раз она появлялась в роскошном наряде, как знатная дама. Влюбленным позволяли лишь видеться и говорить друг с другом, они не могли даже украдкой обменяться поцелуем, меж тем любовь их все возрастала. Однажды Тьенетта сказала своему другу:

— Дорогой господин мой, я решила подарить вам мою жизнь, дабы избавить вас от неволи. И вот каким образом. Разузнав обо всем, я нашла способ, как искуснее обойти законы аббатства и дать вам счастье, которое вы ожидаете от обладания мной. Судья церковного суда

сообщил мне, что, поскольку вы не крепостной по рождению, а станете крепостным человеком путем брака, ваше рабство может прекратиться вместе с причиной, приведшей вас к рабству. Посему, если вы меня любите больше всего на свете, как вы говорите, пожертвуйте вашим состоянием, чтобы купить наше счастье, и женитесь на мне. А когда вы насладитесь мной, сколько пожелаете, я, не дожидаясь потомства, сама наложу па себя руки, и вы станете вновь свободны. Таково ваше законное право, и на вашей стороне будет сам король, который, говорят, к вам весьма расположен. И без всякого сомнения, бог простит меня, ибо я приму смерть ради того, чтобы освободить моего повелителя и супруга.

— Моя дорогая Тьенетта! — воскликнул Ансо. — Ни слова более, я стану крепостным, и ты будешь жить, и счастье мое продлится до конца дней моих. Никакие цепи не будут для меня слишком тяжелы, если ты будешь рядом со мной. Если не останется у меня ни единого собственного денье, что мне до того? Ведь есть у меня сокровище — твое сердце, и есть у меня единственное блаженство — твоя несравненная прелесть. Я вверяю себя покровительству святого Элуа, в надежде, что он смилуется над нами в нашей беде и оградит нас от всяких зол. Итак, я сейчас направляюсь к стряпчему и поручу ему составление нужных бумаг и договоров. По крайней мере, бесценный цветок моей жизни, ты будешь прилично одета, будешь жить в хорошем доме, и служить тебе будут всю твою жизнь, как королеве, ибо господин приор оставляет в нашу пользу часть моих доходов.

Тьенетта, и плача и смеясь, оборонялась от своего счастья и желала умереть, дабы не доводить до неволи свободного человека, но мэтр Ансо шептал ей нежные речи, грозил последовать за любимой в могилу, и Тьенетта дала согласие на брак, решив, что всегда успеет убить себя, изведав сначала радости любви. Когда в городе разнесся слух о закрепощении туренца, расставшегося ради милой со своим состоянием и свободой, каждому захотелось посмотреть на него. Придворные дамы отбирали себе драгоценности без счета, лишь бы подольше побеседовать с мастером; в его мастерскую слетались целые стайки красивых женщин, как бы желая вознаградить его за долгие годы, когда он лишен был их общества. По если иные могли сравняться с Тьенеттой красотой, ни одна из них не обладала ее сердцем. Наконец, видя, что близится час рабства и любви, Ансо расплавил все свое золото и отлил из него корону, каковую украсил всеми имевшимися у него жемчугами и бриллиантами и, тайно явившись во дворец, передал ее королеве со словами:

— Ваше величество, я не знаю, кому доверить свое богатство, — вот оно. Завтра все, что найдут в моем доме, станет добычей проклятых монахов, не пожалевших меня. Соболаговолите принять сей золотой венец. Это слабая благодарность за радость лицезрения моей возлюбленной, испытанную по вашей милости, ибо никакие деньги не стоят единого ее взгляда. Я не знаю, что меня ждет, но ежели мои дети станут когда-нибудь свободны, я поручаю их вашему королевскому великодушию.

— Хорошо сказано, добрый человек, — ответил король. — Рано или поздно помощь моя понадобится аббатству, и тогда, поверь, я вспомню о тебе.

Несметная толпа собралась в аббатство на свадьбу Тьенетты, которой королева подарила подвенечный наряд, а король дал дозволение носить ежедневно золотые кольца в ушах. Когда прекрасная чета направилась из аббатства к церкви Сен-Ле и к дому Ансо, ставшего теперь рабом, люди в окнах зажигали факелы, чтобы лучше видеть новобрачных. По обе стороны улицы шпалерами стояла толпа, словно при въезде короля в город. Бедный муж выковал себе серебряный обруч и надел его на левую руку в знак своей принадлежности аббатству Сен-Жермен. И что же! Народ кричал сему новому рабу: «Слава, слава!» — будто новоявленному королю, и мэтр Ансо еле успевал раскланиваться, счастливый, влюбленный и весьма обрадованный похвалами, которые каждый воздавал красоте и скромности Тьенетты. Добрый туренец увидел, что ворота его жилища украшены зелеными ветвями и венками из васильков. Со всего квартала собрались именитые горожане, дабы чествовать его музыкой, все возглашали: «Вы всегда останетесь благородным человеком, наперекор аббатству». Можете быть уверены, что в этот день супруги показали себя достойными друг друга в самозабвенном поединке. Муж многократно одерживал победу, и его любимая отвечала ему в

сражении, как оно и подобает здоровой крестьянской девице... И прожили они в веселии целый месяц, подобно голубкам, которые с первых дней вьют себе гнездо, собирая соломинку га соломинкой. Тьенетта рада была прекрасному своему жилищу и заказчикам, каковые стекались во множестве и уходили, обвороченные ею. По истечении медового месяца как-то раз прибыл к ним весьма торжественно их владелец и господин мудрый старый приор Гюгон и, войдя в дом, принадлежащий уже не мастеру Ансо, а капитулу, изрек следующее:

— Чада мои, отныне вы свободны, с вас сняты все долги и повинности. И я хочу сказать вам, что с первого же мига был я поражен великой любовью, соединившей ваши сердца. А затем, как только были признаны нрава аббатства, решил я про себя доставить вам полное счастье, после того как испытаю вашу веру в божий промысел. Раскрепощение это ничего не будет вам стоить.

И сказав так, он слегка похлопал супругов по щеке, они же упали на колени, плача от радости, что и неудивительно.

Туренец сообщил своим соседям о благословении и милостях доброго приора Гюгона, и люди со всего квартала высыпали на улицу. Затем мэтр Ансо с великим почетом проводил приора, ведя под уздцы его кобылу до самой заставы Бюсси. Во время этого шествия ювелир, захвативший с собой мешок с деньгами, разбрасывал монеты беднякам и калекам, восклицая: «Милость, милость божья! Да хранит бог приора, да здравствует монсеньор Гюгон!»

По возвращении домой Ансо угостил своих друзей. Он заново сыграл свадьбу, и пировали на ней целую неделю. Можно себе представить, что капитул, уже разинувший было пасть, дабы проглотить выгодную добычу, сурово укорял аббата за его милосердие. Год спустя, когда старичок Гюгон как-то занедужил, его духовник объявил ему, что сие есть небесная кара за то, что он предал священные права капитула и бога.

— Если я не ошибся в том человеке, — ответил аббат, — он не забудет своего обещания.

И впрямь, в тот день, случайно совпавший с годовщиной свадьбы мэтра Ансо, явился монах доложить, что ювелир просит своего благодетеля принять его. Мэтр Ансо вошел в зал, где находился приор, и вынул два чудесных ларца такой искусной выделки, что и поныне она не превзойдена ни единым мастером во всем христианском мире. На обоих ларцах была надпись: «От человека, давшего обет настойчивости в любви». Два эти ларца находятся, как всякому известно, на главном алтаре аббатства, и все признают их бесценными сокровищами. Добавим, что ювелир пожертвовал на них все, чем располагал, но эти прекрасные творения не только не опустошили его кошелька, а наполнили его до краев, ибо еще больше увеличили его славу и доходы — настолько, что он мог купить себе дворянское звание, обширное поместье и положил начало фамилии Ансо, каковая была весьма почитаема в Турени.

Повествование это учит нас неизменно обращаться к святым и к богу в жизненных затруднениях и настойчиво добиваться того, что является добром. Неоспоримо, что истинная любовь надо всем торжествует, — изречение старое, но автор позволил себе привести его, потому что оно ему весьма по душе.